

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

В СЕГДА мне приятно говорить о Михаиле Ульянове, потому что с ним связаны едва ли не самые отрадные впечатления в моей работе. Он был моим первым и, пожалуй, лучшим партнером. С ним я снимался в своей первой и, вероятно, наиболее интересной картине — в «Председателе». Это был как раз такой случай, когда очень резко выявляются сразу и человек, и актер. Такого рода разговор, в котором надо было или высказываться до конца, с полной открытостью, или уж не говорить вовсе.

Часто спрашивают: как я

шим образом работает и в кино, и в театре, а вот сейчас занялся еще и режиссурой. По правде говоря, я не понимаю, как он все успевает. Одна такая роль, как в «Председателе», требует в три-четыре раза больше сердца, чем это положено в обычной работе. А еще и театр — я работал когда-то в театре и отлично знаю, что это такое. Это мокрая рубашка после спектакля, это бессонная ночь, когда не помогает никакое снотворное. Некоторые, конечно, служат, а служба совсем другое. Но Ульянов не таков. Он отдает работе всего себя. При этом мне все же думается, что он прежде всего актер

Вот еще черта, которая очень характерна для него — честность. И в человеческом, и в творческом плане.

Кстати, когда я выше говорил о жестокости в работе, которая ему свойственна, я, наверное, и имел в виду именно честность, бесконечную требовательность к себе и к людям, постоянную проверку «на правду».

Вспоминаю, как мы работали с ним над «Председателем». Частенько ту или иную сцену мы решали вдвоем. Он любил и просил, чтобы я был на съемочной площадке, а я в свою очередь просил его о том же. Между дублями обычно делали перерывы и обсуждали снятое. И я замечал, как в следующем дубле он уже играл по-другому, в другом ключе, с учетом замеченного.

Какие сцены были для нас наиболее сложными? Как ни странно, самая первая, когда Егор возвращается в родную деревню и приходит к Семену. Казалось бы, простая очень сцена, в которой ничего не происходит — просто дается экспозиция вещи. А между тем это очень важная сцена и сложная, потому что все действие в ней развивается подспудно, в житейских разговорах.

Здесь есть наиважнейший момент — начало столкновения. Столкновения не просто двух людей, но двух мироощущений. Ведь Семен поистине изумлен тем, что брат, заслуженный человек, явился сюда, в этот разваленный колхоз. Зачем? Какая ему выгода? Да, вот именно выгода? Ведь он так и только так привык оценивать все в жизни.

Мы очень мучились с этой сценой. Как ее играть? Ведь текст сыграть нельзя. Режиссер предлагал сделать ее монтажно. Но мы с Ульяновым считали, что надо снимать одним куском — на одном настроении, дыхании, делая ее актерски. Так именно и сняли.

Ну, а вторая трудная сцена, конечно, была драка братьев. Было снято девять дублей... по необходимости. Просто больше снять было нельзя, потому что меня положили в больницу. Я никогда бы не посмел обвинить в этом Ульянова. Иначе было нельзя. Это решающий момент, жестокий, трудный, его нельзя было снимать деликатно. К тому же игралась сцена совершенно в бешеном ритме, так что о безопасности труда говорить не приходилось. Таково уж искусство, такова наша работа.

Здесь я опять-таки не могу не сказать о том, что главная черта Ульянова — это стремление к правде и ненависть ко всяческой фальши.

Вот сегодня много говорят о сдержанности, о лаконизме, об «айсбергах» и т. д. Что значит быть сдержанным? Это значит, и для актера быть в огромном напряжении, быть как бы под давлением в несколько атмосфер. Такая сдержанность великолепна, достойна, увлекательна.

Но когда сдерживать-то нечего — тогда как? Когда я ничего не чувствую в актере — ни страсти, ни радости, ни горя? Когда я вижу просто холодное блуждание без цели? Это не сдержанность. Самое опасное в искусстве — равнодушие. И это как раз то, что так противоположно Ульянову, враждебно ему.

Мы встречались с ним на съемочной площадке, кажется, всего раза три. Кроме «Председателя», в «Братьях Карамазовых» и в «Егоре Булычове». Какие все это великолепные, могучие образы — Булычов, Дмитрий Карамазов! Какая мощь человеческой натуры, игра страстей, муки разума!

Об Ульянове действительно можно сказать, что актер приходит в мир, чтобы сгорать, чтобы тратиться, но уж никак не сохранять себя. Разве тот же Трубников не был для него частицей сердца, мозга, нервов? Невосполнимой, но бесконечно драгоценной частицей. Пожалуй, не много смогу назвать у нас таких актеров, живущих в искусстве на пределе человеческого существования. Но ими оно, наше искусство, живо и славно.

Фото Е. Халдея.

люди искусства

СОВРЕМЕННОСТЬ—ЕГО СТИХИЯ

встретился с Ульяновым в работе? Ну, как встретился? Конечно, это было все нелегко. Ведь он был уже очень известным актером. И тем не менее, я не заметил в нем ни тени снобизма, выскомерия, он вообще очень простой человек. Мы с ним

кино, а не театра. Это не значит, что он больше любит кино, это значит, что он больше создан для кино — для искусства массового, народного. Недаром именно здесь он создал свои лучшие роли, здесь прежде всего он стал тем Ульяновым,

Иван ЛАПИКОВ,
заслуженный артист РСФСР

как-то сразу нашли общий язык, сдружились. Почувствовали, что мы родственные души. Что это значит? Вероятно, то, что мы одинаково реагируем на какие-то явления, а главное, ищем гуманный подход к вещам. В том числе и в самых трудных, сложных случаях.

Мне кажется, Ульянов — просто хороший человек. Говорю об этом потому, что плохой человек не может стать хорошим актером. Когда-нибудь эта дисгармония человеческого и творческого все равно скажется, и зрители обнаружат лицемерие. Конечно, профессионал может сыграть все. Но в Ульянове есть нечто большее, чем профессионализм: он — художник. А это предполагает другой уровень требований к себе и к людям. В Ульянове есть та редкая гармония, которая и составляет гражданственное начало в творчестве.

При этом в работе он злой. Даже жестокий. Здесь нет противоречия. В искусстве, по моему, нельзя быть либералом, в результате может получиться только манная каша. Ульянов же актер резкого, грубого мазка, удивительного, редкого темперамента. Да вот чего уж ему не занимать — это темперамента! Поистине он неистов в работе. Ведь он активней-

какого знает вся страна. В чем-то ему и повезло — досталась такая роль, как Егор Трубников. Хотя в общем везение — это относительная вещь. Главное, мне кажется, что стихия Ульянова — современность, и здесь кино широко открывает ему двери.

Возможно, он не всегда берется за то, что ему нужно. Есть такая вещь, как актерская жадность — хорошая жадность, как говорят, есть белая зависть. Но здесь должен быть еще и самоконтроль.

Нельзя не сказать о том, что редко еще у нас попадает литература, да и режиссура, которая была бы по плечу художнику масштаба Ульянова.

Потому, вероятно, Ульянов и пошел в режиссуру, хотя я лично продолжаю считать, что делить себя нельзя: или — или. Хватило бы жизни. Одна профессия уже занимает тебя целиком. А здесь — две.

Я еще не видел его новой картины. Но однажды встретил его и спросил: как? Надо сказать, что хотя мы не так уж часто видимся, но продолжаем сохранять самые дружеские отношения. Так вот он ответил мне: одним нравится, другим, возможно, не понравится. Но я стремился, чтобы это было честно.